

УДК 821(47)-9

DOI: 10.28995/2686-7249-2024-11-60-74

История как сфера-источник прецедентности в публицистике П.Б. Струве 1920–1930-х гг.

Татьяна С. Бондарева-Кутаренкова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, kutarenkova@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматривается «Дневник политика» П.Б. Струве как публицистический текст. В центре внимания – эмоциональная апелляция к читателю, специфика демонстрации авторской индивидуальности, для выражения которых используются прецедентные феномены. Акцент сделан на реальных антропонимах, исторически ассоциируемых урбанонимах, прецедентных ситуациях, отсылающих к историческим явлениям.

Ключевые слова: П.Б. Струве, публицистика, прецедентный феномен, антропоним, урбаноним, «Дневник политика», русское зарубежье

Для цитирования: Бондарева-Кутаренкова Т.С. История как сфера-источник прецедентности в публицистике П.Б. Струве 1920–1930-х гг. // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2024. № 11. С. 60–74. DOI: 10.28995/2686-7249-2024-11-60-74

History as the purview-source of precedent phenomena in P. Struve's journalism in the 1920–1930s

Tatiana S. Bondareva-Kutarenkova

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
kutarenkova@yandex.ru*

Abstract. In the article author analyses “Diary of a Politician” by P. Struve as an example of journalism. The article focuses on the precedent phenomena as used for the emotional appeal to the reader and the demonstration of the author's individuality. The main subjects are the real anthroponyms, the associated to history urbanonyms, the precedent situations, referring to historical facts.

Keywords: P. Struve, journalism, precedent phenomena, anthroponym, urbanonym, “Diary of a Politician”, Russians diaspora

© Бондарева-Кутаренкова Т.С., 2024

For citation: Bondareva-Kutarenkova, T.S. (2024), "History as the purview-source of precedent phenomena in P.B. Struve's journalism in 1920–1930s", *RSUH/RGGU Bulletin, "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 11, pp. 60–74, DOI: 10.28995/2686-7249-2024-11-60-74

Один из наиболее известных представителей политической мысли русского зарубежья – П.Б. Струве – был не только юристом, экономистом, журналистом и редактором периодических изданий, но и историком. В первую очередь его интересовала политическая и экономическая история России и ряда зарубежных стран.

В 1925–1927 гг., проживая во Франции, Струве занимал пост главного редактора газеты «Возрождение». В рубрике «Дневник политика» он представлял свой взгляд на международные отношения, европейскую политику, историю России и советскую современность, жизнь русской эмиграции. Название, безусловно, восходило к «Дневнику писателя» Ф.М. Достоевского. Ученый называл писателя не только великим художником, но и великим религиозным мыслителем, который «сам есть огромное религиозное явление» [Симачёва 2002, с. 187–196].

В 1927 г. Струве покидает пост главного редактора «Возрождения» из-за разногласий с издателем, нефтепромышленником А.О. Гукасовым и основывает газету «Россия», затем газету «Россия и славянство», а «Дневник...» переходит за главным редактором из издания в издание.

Внук Н.А. Струве называл этот дневник деда «горячим, мудрым и бескомпромиссным»¹. Действительно, метафорика и прецедентность в статьях Струве необычайно верно передают суть явлений и сущность людей, о которых писал автор. В отечественной науке «Дневник политика» П.Б. Струве всегда больше интересовал историков – как источник. В историографии политической мысли и культуры русского зарубежья этот сборник статей действительно имеет важное значение для исследователей. При этом «Дневник политика» никогда не изучался отдельно как публицистический текст и мало изучался как часть журналистской составляющей творческого наследия Струве.

Анализируя статьи из «Дневника политика» как публицистические тексты, следует уделить особое внимание их эмоциональной апелляции к читателю, специфике демонстрации авторской

¹ *Струве Н.А.* Мой дед П.Б. Струве // Петр Бернгардович Струве / под ред. О.А. Жуковой, В.К. Кантора. М.: РОССПЭН, 2012. С. 13–17.

индивидуальности, которая выражается в использовании Струве прецедентных феноменов.

В статье «Специфика использования прецедентного текста в «Дневнике политика» П.Б. Струве» [Бондарева-Кутаренкова 2023, с. 100–110] рассматривались прецедентные феномены литературного происхождения. В данном исследовании мы обратимся к прецедентным именам, текстам, ситуациям, источниками которых являются историческая память, исторические документы и тексты – к реальным антропонимам, исторически ассоциируемым урбанонимам, прецедентным ситуациям, отсылающим к историческим явлениям, прецедентным высказываниям и текстам, также имеющим связь с историческими фактами. Для Струве-историка исторические имена, события, даты, явления, ситуации, безусловно, были теми знаками, с помощью которых он входил в диалог со своим читателем.

Н.А. Струве писал, что в эмиграции его дед «счел своим долгом пожертвовать научным творчеством ради политической борьбы»². При этом он же пишет о П.Б. Струве следующее:

Можно даже сказать, что политиком он не был, хотя был, несомненно, выдающимся политическим мыслителем и всю жизнь болел политикой. Дело в том, что Петр Бернгардович соединял в себе два разнородных, противоречивых начала: он был одновременно и в одинаковой степени и мыслителем, и деятелем, и даже, более того, энциклопедистом-ученым, пытливым изыскателем, кропотливым собирателем фактов и в то же время страстным, страстно-принципиальным и принципиально-страстным борцом³.

Даже в те периоды жизни, когда Струве не занимался исторической наукой, он все равно продолжал жить историей: многие статьи в «Дневнике политика» посвящены осмыслению исторических событий и процессов, как российских, так и мировых, оценке роли исторических деятелей, экономической и политической истории России и зарубежных стран.

К сожалению, огромное научное наследие, накопленное ученым за годы жизни в Белграде (а это более 10 лет), погибло. После выхода из тюрьмы (Струве не скрывал своей ненависти к нацизму, что стало поводом для доноса на него в гестапо) Струве получил разрешение от оккупационных властей уехать в Париж, но без права забрать с собой рукописи. Многочисленные записи ученого были

² Там же. С. 4.

³ *Струве Н.А.* О П.Б. Струве // Струве Н.А. Православие и культура. М.: Русский путь, 2000. С. 465.

доверены друзьям, но накануне прихода на Балканы Советской армии те уничтожили бумаги, опасаясь за судьбу их автора⁴. Однако труд «Социально-экономическая история России с древнейших времен до нашего, в связи с развитием русской культуры и ростом российской государственности» хотя и не был окончен автором, но все же был опубликован в Париже в 1952 г.

Читатели, обращающиеся к научному наследию Струве, не нуждаются в подсказках, «указателях», знаках, так как чаще всего являются такими же учеными, как и сам Струве, легко следуя за мыслью автора и понимая его оценку. В то время как читатели «Дневника политика» – это очень неоднородная аудитория, с которой адресанту очень важно в первую очередь установить коммуникационный контакт – с помощью образов, воздействующих на адресата эмоционально.

Важная черта публицистического текста – это оценочность [Кайда 2008, с. 31–43]. Для русского читателя, оказавшегося за рубежом, важна была оценка событий автором статьи – в первую очередь, для понимания сути происходящего в мире и на покинутой родине. И именно знакомые читателю образы, устойчивые выражения, ситуации помогают понять оценку, сделанную автором текста. В отличие от научных текстов, именно публицистика Струве позволяет увидеть, как автор побуждает к размышлению читателя, заставляя активизировать свой багаж знаний.

Второе отличие публицистики от научного текста – это триада «оперативность, актуальность и прагматический потенциал». Об этом пишет Н.И. Клушина:

Если писатель, поэт, ученый может себе позволить «работать в стол», рассчитывая на признание потомков, то журналистика, эта, по меткому выражению, литература на бегу, ориентирована только на современное общество, выполняет сиюминутные задачи, тем самым предполагая немедленный отклик адресата современника. Именно эта ярко выраженная прагматическая направленность на современного автору читателя определяет и специфику отбора языковых средств, максимально усиливающих прагматический потенциал журналистского текста⁵.

История наравне с литературой, искусством, религией и фольклором являлась важной сферой-источником прецедентных фено-

⁴ Там же. С. 5.

⁵ Клушина Н.И. *Стиль массовой коммуникации: Учеб. пособие.* М.: Факультет журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова, 2010. С. 14.

менов в публицистике русской эмиграции первой волны, выражая определенные культурно-ценностные доминанты. Непосредственным источником знания в данном случае выступают исторические документы, монографии, учебники истории, мемуары, дневники. Очевидно, что доступ к ним для читательской аудитории не был одинаковым: социальная неоднородность, разный уровень образования и т. д. Тем не менее в узусе русских эмигрантов 1920–1930-х гг. существовали такие знаковые слова и словосочетания, позволяющие понять подтекст, настроение, отношение, и смыслы которых были понятны как выпускникам университетов и привилегированным военным училищ, читавшим в юности в семейной библиотеке дневники исторических деятелей и исторические исследования, так и тем, кто знал историю исключительно по гимназическим учебникам.

Исследователи прецедентных феноменов выделяют три категории по характеру прецедентности, определяемые широтой социума, в котором этот текст узнаваем: глобально прецедентные (известные благодаря всемирной литературе и всеобщей истории людям самых разных национальностей), национально прецедентные (феномены, используемые в речи и узнаваемые в конкретной стране и носителями определенной национальной культуры) и социумно прецедентные (популярные в определенных возрастных, профессиональных и социальных группах). Эту классификацию приводит Е.А. Нахимова, ссылаясь также на труды В.В. Красных, Н.М. Орловой, Г.Г. Слышкина [Нахимова 2011, с. 82]. При этом, выделяя национально прецедентные феномены, стоит отметить, на какой национально-культурной почве они возникли. Также важно обратить внимание, к какому историческому периоду относятся используемые прецедентные феномены.

Среди прецедентных феноменов, имеющих историческое происхождение, следует выделить и другие, более конкретные типы: антропонимы, цитаты, прецедентные тексты, отсылающие к историческому источнику, прецедентные ситуации.

Использование антропонимов (собственных имен людей, существовавших в действительности), по мнению исследователя языка русской эмигрантской прессы А. Зеленина, преследует следующие цели:

- 1) апелляция к прецедентам в прошлом, инициаторами которых были известные личности;
- 2) модально-оценочная характеристика современных деятелей, выявляющая стороны их деятельности или морального облика [Зеленин 2007, с. 298].

Используя антропоним, публицист обращается не к абстрактной ситуации, а к конкретному образу, связанному с рядом определенных ситуаций.

О своем постоянном оппоненте П.Н. Милюкове Струве писал: «Ему в пору быть русским Тьером или Ярресом, а он непременно хочет быть сразу Гамбеттой или Жюлем Ферри»⁶. В данном примере имеет место профессионально-оценочная характеристика: автору видится совершенно неразумным нежелание оппонента, сторонника республики, идти на какое-либо сотрудничество с монархистами, его отрицание «органической связи между русской государственностью и русской культурой», нежелание действовать в духе либерального консерватизма, которого придерживался Струве. Струве пишет, что без такого монархиста, как Адольф Тьер, не было бы французской республики. Министр внутренних дел Германии Карл Яррес также был известен как правый либерал. В противовес им Струве ставит тех либеральных политиков, которые придерживались противоположного, более радикального (в сравнении с вышеобозначенными) курса. В этом фрагменте три антропонима относятся к категории национально прецедентных феноменов, причем – три к французской истории (Гамбетта, Тьер, Ферри), один – к немецкой истории (Яррес). Из них только Карл Яррес – современник Струве и Милюкова – то есть его можно отнести к периоду первой половины XX в. «Французы» из этой цитаты относятся к деятелям XIX в. И если имена Гамбетта и Ферри еще можно объединить, то Тьер относится к иному поколению политиков, старшему.

Если рассматривать цель использования антропонимов в данном фрагменте согласно указанной типологии А. Зеленина, то здесь, скорее, имеет место апелляция к прецедентам в прошлом, инициаторами которых были известные личности, а именно – особенности проведения указанными политиками либерального курса в конкретной стране и в конкретный исторический период.

Нередко Струве обращается к историческим антропонимам в целях создания саркастического эффекта. Для этого он также прибегает к сопоставлению биографических фактов, что нередко соединяет антропоним и прецедентную ситуацию в одном случае. Яркий пример – цитата Струве из статьи «Душно», в которой публицист рассуждает о настроениях в политических кругах эмиграции:

⁶ *Струве П.Б.* Некоторые положительные результаты полемики с П.Н. Милюковым: Лояльное предложение в духе либерального консерватизма // Возрождение. 1925. № 26. 28 июня. С. 1.

Не всякий человек, которого нервная система расшатана, может приязнать быть Достоевским. Не всякий неврастеник, как бы он ни разочаровался в «капитализме», может быть ветхозаветным пророком. Не всякий кандидат в дом умалишенных должен быть признаваем за новоявленного Ницше. И надлежит сделать простой практический вывод: таких людей нужно не приближать к печатному станку, а более или менее деликатно удалить от него, рекомендуя им вместо литературных упражнений санаторное лечение. А может быть, и более суровый режим⁷.

Струве намекает на факт из биографии любимого писателя – эпилепсию с фобиями, галлюцинациями и прочими проявлениями, а также на факт из биографии известного философа (психическое заболевание и помещение в психиатрическую больницу), чтобы доказать читателю, что в эмигрантских кругах распространяется немало абсурдных и утопических идей в газетах и журналах, которые нельзя рассматривать как авторитетное мнение. Указанные антропонимы и прецедентные ситуации связаны с периодом второй половины XIX в. Говоря о современной публицистике, в которой звучат эти же имена, мы могли бы отнести данные антропонимы к категории глобальных концептов. Однако несмотря на то, что на момент написания этой статьи Струве труды Ницше и Достоевского уже были переведены на разные языки, имена философа и писателя не были знаковыми для широких масс за пределами Германии и СССР.

Стоит отметить, что П.Б. Струве всегда был критически настроен и часто позволял себе очень острую иронию по отношению к политическим идеям современников – и данная цитата это прекрасно иллюстрирует. Дискредитация политического и идейного оппонента очень нередко встречается в эмигрантской публицистике: сообщество русского зарубежья было сильно разрозненным, пребывало в состоянии перманентной и острой политической полемики. Языковые средства, которые использовались для создания негативного образа, были самыми разнообразными и часто включали прецедентные имена. Если обратиться к типологии целей А. Зеленина, то в рассмотренном выше фрагменте оценивается и моральный облик.

В статье «Смертельная опасность и опричнина из “беспартийных”» (в номере газеты «Россия и славянство» от 14 декабря 1929 г.) говорится о борьбе с оппозицией в лице Рыкова, Бухарина и Томского, в которой Сталин сделал упор на беспартийных – «бо-

⁷ Струве П.Б. Душно // Россия и славянство. 1929. № 40. 31 авг. С. 1.

лее послушных и гибких, чем партия и комсомол» – что сам Струве называет «нелепым планом». Автор сравнивает эту ситуацию с опричниной Ивана Грозного: «люди, которых можно всюду бросить в качестве контролеров-соглядатаев, реквизиторов во главе прототрядов и т. п. и т. п.». И далее публицист пишет:

Сейчас под красным колпаком воскресает Малюта Скуратов, окруженный опричниной уже не из «боярских детей», а из «гулящих людей» и «лодырей» и осуществляющий «реформу календаря» и «американизацию» хозяйственной жизни!⁸

В данном тексте нас интересует в первую очередь упоминание Малюты Скуратова – «правой руки» Ивана Грозного и одного из руководителей опричнины. Как подтвержденные факты его биографии, так и народные легенды, которые возникали уже после его смерти, вкупе создали в исторической памяти образ беспощадного и жестокого, до безумия покорного слуги правителя, готового на все. Согласно исследованиям А. Зеленина этот образ встречается и в других эмигрантских текстах – например, в газете «Дни» журналист использует выражение «Малюта Дзержинский» [Зеленин 2007, с. 298]. Исследователь называет его одним из ключевых онимов в эмигрантской периодике. Струве сравнивает политику Сталина в конце 1920-х гг. с периодом опричнины Ивана Грозного и обращается к образам из XVI в., а оним «Малюта Скуратов» относится к национально прецедентным феноменам (русской истории). Если рассмотреть данный антропоним согласно типологии А. Зеленина, автор характеризует одновременно и моральные, и профессиональные качества беспартийных. В этих цитатах есть пример не только исторического антропонима – мы еще обратимся к тексту данной статьи далее.

Среди лидеров в числе положительных номинаций в текстах Струве – Достоевский (любимый писатель ученого), Пушкин и Ломоносов. В следующем фрагменте мы видим антропонимы, представляющие национальный концепт (русская история) и два века: XVIII и XIX.

Я очень хорошо понимаю то глубокое почтение, которое во всяком образованном и исторически мыслящем русском человеке вызывает монархия, с которой связано бытие, величие, гражданственность, образованность России, та монархия, которую восхвалял гениальный

⁸ *Струве П.Б.* Смертельная опасность и опричнина из «беспартийных» // *Россия и славянство. 1929. № 55. 14 дек. С. 1.*

ученый Ломоносов, воспевал зрелый Пушкин, осмысливал умудренный страданием и просветленный мыслью Достоевский. Но эта монархия рушилась...⁹

Выбор имен в публицистическом тексте всегда неслучаен: автор словно ориентирует своего читателя, а каждое имя служит задаче выразить определенную мысль или отношение. При этом важно отметить факт, который подчеркивают исследователи Л.А. Бутахина и А.В. Филиппова: прецедентное имя выражает оценку, не претендующую на объективность – она эмотивна и субъективна. Прецедентные имена в большей степени демонстрируют адресату субъективное отношения автора к обозначенному качеству или группе качеств [Бутахина, Филиппова 2012, с. 7–14].

Завершая разговор об исторических онимах, следует упомянуть встречающиеся в текстах Струве урбанонимы. «...ни один размышляющий француз, несмотря на Седан и Мец, не будет отрицать, что императорская Франция, именно она, создала замечательную армию...» – писал Струве¹⁰. Для современников Струве Седан и Мец – это недавняя мировая история, места разгромов и колоссальных потерь французской армии в ходе франко-прусской войны, определивших исход противостояния. В исторической памяти французов – это точка-завершение истории монархии во Франции. Для Пруссии, Саксонии, Баварии – а позже объединенной Германии – это память о победе, которая открыла дорогу на Париж и к последующему провозглашению Германской империи. Номинация относится к XIX в. и двум разным национальным концептам (история Франции и история Германии).

От имен собственных перейдем к именам нарицательным, многие из которых стали частью прецедентных высказываний. Но рассмотрим также и неоднозначные случаи.

В статье, с которой начинался «Дневник политика», Струве рассуждает, в частности, о судьбе монархии в российской истории:

Конечно, очень легко проходиться насчет голштинской династии, забывая о том, что голштинский император был низвергнут ангальт-цербстской принцессой, которая, как императрица всероссийская, могла начертать о себе достопамятные в национально-государственном смысле слова: «Отторженная возвратих»¹¹.

⁹ Струве П.Б. Единственная цель // Россия и славянство. 1929. № 48. 26 окт. С. 1.

¹⁰ Струве П.Б. Дневник политика (1925–1935). М.: Русский путь; Париж: УМСА-Press, 2004. С. 26.

¹¹ Там же. С. 17.

Перед нами пример перифразы: автор не называет имен Петра III и Екатерины II, а употребляет узнаваемые для русскоговорящего читателя, знакомого с историей российской государственности, словосочетания «голштинский император» и «ангальт-цербстская принцесса» (которую в этом же предложении далее называет «императрица всероссийская»). Имена собственные заменяются нарицательными. В словосочетании «голштинский император» очевидно сквозит ирония: на российском троне Петр III находился чуть более полугода и так и не смог стать «своим», принять российские реалии и стать по-настоящему российским самодержцем. Указывая же на происхождение Екатерины, Струве подчеркивает иное: была ангальт-цербстской принцессой, но стала императрицей всероссийской (в отличие от покойного супруга). Но справедливо ли относить данные словосочетания к прецедентным высказываниям? Для массового читателя (даже если мы говорим о русских эмигрантах во Франции периода между двух мировых войн) они не являются легкоузнаваемыми (в отличие от простых и понятных номинаций «Петр III» и «Екатерина II»). Образованная публика, конечно же, расшифрует эти названия, зная биографии российских правителей, но уровень образования в эмигрантской среде все же был неодинаковым.

Мы уже упоминали выше статью «Смертельная опасность и опричнина из “беспартийных”» (в номере газеты «Россия и славянство» от 14 декабря 1929 г.). Помимо антропонимов, в ней есть историзмы: «опричнина» (вынесен в заголовок), «боярские дети», «гулящие люди»¹². Для читателя-эмигранта, выросшего в царской России, даже на среднем уровне знающего русскую историю, эти словосочетания были узнаваемы и вызвали определенную реакцию (в большей степени, чем уже приведенные в примере выше «голштинский император» и «ангальт-цербстская принцесса»), так как являются словами, знаковыми для определенного периода в истории. Данные феномены хронологически относятся к XVI в. и являются национальными концептами (русская история). Не менее интересна метафора «под красным колпаком» – возможно, Струве намекает на фригийские колпаки французских революционеров, которые также были красного цвета, и французские «корни» большевистской идеологии.

Рассмотрим также пример прецедентной ситуации. Согласно определению, которое дает В.В. Красных, это – «эталонная ситуация, связанная с набором определенных коннотаций, дифферен-

¹² Струве П.Б. Смертельная опасность и опричнина из «беспартийных» // Россия и славянство. 1929. № 55. 14 дек. С. 1.

циальные признаки которой входят в когнитивную базу». То есть историческое событие, ситуация, которая имела место и отмечена документально, или же ситуация, созданная писателями в художественных произведениях¹³.

Пример прецедентной ситуации, мотивированной историческими событиями, Струве демонстрирует в статье, посвященной судьбам республиканской идеологии в эмиграции: «В самом деле, где та Российская республика, которую в свое время “сам-третей у постели” провозгласил А.Ф. Керенский...»¹⁴. Чтобы понять специфику оценки и смысл, вкладываемый Струве, следует обратиться к труду историка Н.И. Костомарова «Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей». Цитата: «Государь, – говорил Берсень, – запершись сам-третей, у постели все дела делает»¹⁵. Так дипломат и государственный деятель Иван Берсень-Беклемишев отзывался о царе Василии III, которого нередко осуждали за то, что принимал политические решения, ни с кем не советуясь, наедине с собой. Струве проводит историческую параллель: аналогичным образом Керенский принял решение государственного уровня. Проводится параллель между ситуацией из недавней истории (период действия полномочий Временного правительства) и ситуацией из XVI в. Данный национальный концепт связан исключительно с российской историей.

Исторические параллели и сопоставления – частый прием в текстах Струве. Статья 1929 г. «Торжество католичества и папства» начинается так:

Есть знаменитый рисунок Жерара, изображающий Наполеона, первого консула Французской республики, подписывающим 15 июня 1801 г. в Тюильрийском дворце конкордат с римским папой. Исторический день 11 февраля 1929 г., когда было подписано в папском Латеранском дворце соглашение между итальянским государством и Святейшим престолом, приводит на память конкордат 1801–1802 гг., являющийся одним из важнейших этапов в ходе укрепления наполеоновской власти. Но в то же время какая огромная разница!¹⁶

¹³ *Красных В.В.* Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: Лекционный курс. М.: Гнозис, 2002. С. 47.

¹⁴ *Струве П.Б.* Дневник политика (1925–1935). С. 17.

¹⁵ *Костомаров Н.И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей: В 2 т. Т. 1. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1896. С. 22.

¹⁶ *Струве П.Б.* Торжество католичества и папства // Россия и славянство. 1929. № 13. 23 февр. С. 1.

Встреча представителя духовной власти и представителя светской власти (и Наполеон, и Муссолини, как пишет автор, руководствовались прежде всего политическими соображениями), подписание соглашения – ситуации идентичны лишь на первый взгляд. Отталкиваясь от этой точки, Струве постепенно доказывает, в чем несходство Наполеона с Муссолини, почему нельзя сравнивать Италию конца 1920-х гг. с «вышедшей из революционного горнила победоносной Францией», почему в современном (для Струве) мире папство могущественней любой светской власти.

Следует обратить внимание и на специфику прецедентных текстов в статьях Струве. В публицистике такие феномены часто представлены фрагментами художественных произведений, песен, анекдотов и рекламы¹⁷. Источниками феноменов, которые интересуют нас в контексте данной статьи, могут быть исторические документы, хроники, мемуары. Статья Струве к столетию со дня смерти императора Александра I открывает еще один интересный пример: источником прецедентного текста могут быть также геральдические тексты – девизы фамильных гербов.

Различные прецедентные феномены, основанные на геральдических реалиях, относительно часто встречаются в статьях русской прессы за рубежом в 1920–1930-е гг. В отличие от советских журналистов, эмигранты могли свободно интерпретировать эмблемы, находясь в условиях отсутствия цензуры. Но если большинство авторов обращалось к государственной символической и эмблематике («двуглавый орел», «пятиконечная звезда», «серп и молот» и др.) [Зеленин 2007, с. 329–331], что вписывалось в определенный понятийно-смысловой блок, то Струве чаще обращался к геральдическим реалиям иного характера – например, родовой дворянской геральдике, а именно – к девизам. В статье, вышедшей к 100-летию со дня кончины императора Александра I, ученый так писал об А.А. Аракчееве: «...александровский Аракчеев страшен был не только и не столько своими реальными чертами, сколько тем, что этот образ “без лести преданного” топорного не временщика, а слуги тончайшего царя вырос в злую и зловещую легенду»¹⁸. «Без лести предан» – это девиз на гербе рода Аракчеевых. Очевидно, что в своем тексте Струве позволяет себе иронию. Перед нами снова национальный концепт, связанный с российской историей XIX в.

¹⁷ Басовская Е.Н., Каневская Я.Е., Подкина Ю.В., Яковлева Ю.В. Теория публицистики: Учебник. М.: РГГУ, 2023. С. 102.

¹⁸ Струве П.Б. Александр I Благословенный и Николай II Замученный // Возрождение. 1925. № 31. 3 дек. С. 1.

Анализ текстов из «Дневника политика» показал, как широко используются прецедентные феномены в эмигрантской публицистике Струве и насколько велика доля реальных онимов, прецедентных ситуаций, вызванных историческими событиями и явлениями, прецедентных текстов, источниками которых являются исторические документы и труды историков.

К истории как сфере-источнику автор обращается для того, чтобы, с одной стороны, актуализировать смыслы, обусловленные историческими ассоциациями, но с другой стороны, выявить с их помощью новые смыслы, связанные с текущими процессами в жизни русского зарубежья. Целью использования подобных прецедентных феноменов чаще всего становится создание иронического или даже саркастического эффекта, выражение негативного или позитивного отношения к человеку или явлению (современник сопоставляется с историческим деятелем; проводится аналогия между ситуацией из эмигрантской жизни, политическим явлением XX в. и известным историческим прецедентом).

Антропонимы используются как для оценки моральных качеств современников, так и их компетентности, профессиональной деятельности.

Большинство прецедентных феноменов относятся к концептам национального характера, в которых преобладают онимы, ситуации и тексты, связанные с российской историей: именно они являются ключевыми «текстами влияния» для русскоязычной аудитории. Но также нередко называются имена и события из истории Франции и Германии, что обусловлено тем, что большинство читателей газет «Возрождение», «Россия» и «Россия и славянство» проживало именно в этих странах.

Основная часть феноменов относится к истории XIX в. – к политической и экономической истории именно этого века Струве обращался чаще всего в своих исследованиях. Вторая по численности группа феноменов в одинаковой степени представлена историей XVI и XVIII вв. В меньшинстве – феномены, относящиеся к истории XX в.

В большинстве статей Струве, даже в рамках одного распространённого предложения, можно увидеть соединение самых разных типов прецедентных феноменов. И даже одну конкретную фразу можно отнести к различным категориям.

«Дневник политика» П.Б. Струве и его популярность среди читателей в эмиграции демонстрируют то, что связь времен не распалась (если мы позволим себе такую смелую квазицитацию Шекспира): автор и читатель говорят «на одном языке», публицист не прибегает к разъяснениям (стоит отметить, что в «Дневнике

политика», выпущенном издательством «Русский путь» совместно с парижским издательством YMCA-Press в 2004 г., статьи Струве уже сопровождаются комментариями редакторов).

Литература

- Бондарева-Кутаренкова 2023 – *Бондарева-Кутаренкова Т.С.* Специфика использования прецедентного текста в «Дневнике политика» П.Б. Струве // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2023. № 10. С. 100–110.
- Бутахина, Филиппова 2012 – *Бутахина Л.А., Филиппова А.В.* Прецедентные феномены в текстах политического дискурса // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2012. № 3. С. 7–14.
- Зеленин 2007 – *Зеленин А.* Язык русской эмигрантской прессы (1919–1939). СПб.: Златоуст, 2007. 378 с.
- Кайда 2008 – *Кайда Л.Г.* Позиция автора в публицистике: Стилистическая концепция // Язык современной публицистики: Сб. статей / сост. Г.Я. Солганик. 2-е изд., испр. М.: Флинта: Наука, 2007. С. 31–43.
- Нахимова 2011 – *Нахимова Е.А.* Прецедентные онимы в современной российской массовой коммуникации: теория и методика когнитивно-дискурсивного исследования. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2011. 276 с.
- Симачёва 2002 – *Симачёва И.Ю.* Достоевский на страницах парижской газеты «Россия и славянство» // Литературоведческий журнал. 2002. № 16. С. 187–196.

References

- Bondareva-Kutarenkova, T.S. (2023), "The specificity of precedent texts' using in the P. Struve's 'Diary of a Politician' ", *RSUH/RGGU Bulletin, "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 10, pp. 100–110.
- Butakhina, L.A. and Filippova, A.V. (2012), "The precedent phenomena in political discourse texts", *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva*, no. 3, pp. 7–14.
- Kaida, L. (2008), "The author's position in journalism. A stylistics' concept", in Solganik, G.Ya., comp., *Yazyk sovremennoi publitsistiki* [The language of modern journalism], Flinta, Nauka, Moscow, Russia, pp. 31–43.
- Nakhimova, E.A. (2011), *Precedentnye onimy v sovremennoi rossiiskoi massovoi kommunikatsii: teoriya i metodika kognitivno-diskursivnogo issledovaniya* [Precedent onyms in modern Russian mass communication. Theory and methods of cognitive-discursive research], Ural'skii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, Ekaterinburg, Russia.

Simachyova, I.Yu. (2002), “Dostoevsky on the pages of Parisian newspaper ‘Russia and Slavdom’”, *Literaturovedcheskii journal*, no. 16, pp. 187–196.

Zelenin, A. (2007), *Yazyk russkoi emigrantskoi pressy (1919–1939)* [The language of Russian emigrants’ press (1919–1939)], Zlatoust, Saint Petersburg, Russia.

Информация об авторе

Татьяна С. Бондарева-Кутаренкова, кандидат филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; kutarenkova@yandex.ru

Information about the author

Tatiana S. Bondareva-Kutarenkova, Cand. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; kutarenkova@yandex.ru